

✦ Екатерина СОЛОМОНОВА

Желание Японии сильнее самой Японии и всего того многочисленного, что она может предложить и предоставить нам и себе самой в качестве себя.

Д. Пригов

«Н

икакие Японии не могут удовлетворить желания Японии, но при этом Япония возможна в

любых обстоятельствах и точках пространства», — это симпатичное утверждение Д. Пригова подтверждает нынешняя моя беседа с обаятельным и экзотическим гостем, опрокинувшим и взорвавшим безрадостные редакционные будни. Итак, Илья Пушкин, иерусалимский житель и бывший москвич, стихийный, неакадемический японист, отстроил в иудейской столице собственную изящную, экзотическую Японию — идеальную и к тому же населенную неземными японками.

Сложнейший язык Илья Пушкин осваивает самостоятельно, более того, в издательстве «Восток — Запад» уже вышел подготовленный им русско-японский разговорник, и ныне ему заказан новый учебник. Кроме того, израильское университетское издательство «Академон» выпустило сборник его стихов «Песни влюбленного медведя» — с двумя параллельными текстами, на иврите и на японском (существует и аналогичная, воздушно иллюстрированная японско-русская версия).

Личная история Ильи Пушкина столь нетривиальна, что не могу устоять перед соблазном вкратце изложить самую внешнюю канву, начав с того, что мой нынешний собеседник, работавший в Москве гинекологом, в свое время, двадцать два года назад, присоединился к небольшой, но, по его словам, достаточно сплоченной московской общине ХАБАДа. Община эта, возглавляемая пожилыми людьми, прошедшими сталинские лагеря, но при этом оставшимися религиозными евреями («Это были сильные, более того, святые люди», — говорит Илья Пушкин), объединяла молодых людей близкой ментальности, надеявшихся заполнить то, что принято называть духовным вакуумом, и заинтересовавшихся философией хасидизма. Все они соблюдали, как и положено, заповеди; женился мой собеседник также на религиозной еврейке, и посему путь у него был один — репатрироваться в Израиль, что и произошло 20 лет назад.

Илья Пушкин

Фото: Борис КРИШТУЛ

Фантом Японии В ИЕРУСАЛИМЕ

Все это время он работал врачом (в том числе — военным врачом), а ныне занимает административную должность в одной из главных больничных касс. Илья Пушкин остался, по его утверждению, человеком религиозным, но в то же время не сумел вписаться ни в одну из местных общин, включая общину хабадников, в которой более не чувствует себя естественно («Для хабадников песни и пляски — высшая стадия экзальтации, ну а я привык выражать экзальтацию другими путями», — отмечает в этой связи мой собеседник).

— Скажите, Илья, как получилось, что Япония стала вашим жизненным интересом и эстетическим ориентиром?

— Япония, по сути дела, это некая универсальная психологи-

ческая концепция, это место в мире или же некоторый мир, в котором идеальны отношения между людьми, все изящно, прекрасно, утонченно. Собственно, у каждого свои представления об этом мире, и у каждого — своя Япония.

Вообще говоря, приехав в Израиль, я, как и все, пережил культурный шок, произошла резкая смена культур, да и отношения между людьми и понятия о личностных границах здесь иные. Соответственно, начался поиск и построение своего мира, и для меня таким полностью гармоничным миром стала моя Япония, — естественно, далекая от реальной.

Что касается эстетических ориентиров, то мне чрезвычайно импонирует то обстоятельство, что в японской культуре, в отличие от израильской, масса недо-

сказанностей, недоговоренностей, — собственно, японское искусство и литература построены на недосказанностях. Самым важным оказывается отнюдь не то, что присутствует в картине или, допустим, в стихотворении, а как раз то, чего в них нет, и, значит, зритель призывается в соавторы, он должен дописать, дополнить, дорисовать и т. д., и это — единственная возможность искусства. Израильяне, напротив, учатся с малых лет все выплескивать наружу, что несколько шокирует и не оставляет возможности для творчества.

Регламентированность отношений между людьми, непроникновение сквозь границы личности оказываются спасительными в характерных для Японии условиях очень большой плотности и

скученности населения. В противном случае жить там было бы невозможно, — все бы перерезали друг друга, так что в некотором смысле речь идет о вынужденности. Сдержанность проявляется в том числе в японской архитектуре — как в храмах, так и в жилых домах, где важное место занимает пустота, пустое пространство — то, что не сказано и не выражено, но что вы чувствуете и сами достраиваете в своих ощущениях.

Скромность и сдержанность, «ваби» и «саби», считаются важнейшими эстетическими ценностями, частью японского мировоззрения, но, вообще говоря, ценности эти выросли из общего строя японской жизни, из той ужасающей нищеты, в которой некогда проживало подавляющее большинство населения. По этой же причине люди хранили как зеницу ока, допустим, чашку, даже в том случае, если ей сто лет и она с трещиной, — ведь второй такой не было. То есть за названными мной ценностями стоят не высокие эстетические мотивы, а нужда.

— Вам приходилось бывать в Японии?

— Вообще говоря, нет, поскольку по натуре я не турист — мне недостаточно просто приехать и посмотреть страну, я бы хотел в ней пожить, поучиться, но в финансовом смысле это мне пока недоступно.

Воспользовавшись возможностью, я бы хотел сказать пару слов о стереотипах в отношении японцев. Считается, к примеру, что японцы очень агрессивны, но на самом деле это не так. Если вспышка агрессии и произошла, то исключительно в XX веке, — до этого японцы вообще не вели захватнических войн. Захватчиками всегда были скотоводческие народы, по той простой причине, что для скотоводства требуются новые пастбища. Японское же хозяйство основано на интенсивном земледелии, не подразумевающим никакого захвата. Выращивание риса — занятие трудоемкое, но при этом почва не истощается, как, скажем, при экстенсивном земледелии в России. Приведу такой пример — урожайность рисового поля в Японии в VIII веке была выше, чем в России — пшеничного поля в XVII веке; все это документировано. По этой же причине, кстати сказать, в Японии росла плотность населения. Ну а если японец отправлялся на войну, то это пагубно отражалось на урожайности того же рисового поля, посему до XX века японцы были наименее агрессивной нацией из всех.

Вы спросите, что же произошло в XX веке. Дело в том, что после революции Мэйдзи, в конце XIX века, все военное сословие оказалось униженным, лишенным привилегий и выброшенным на улицу. Легко предположить, что именно с этим связано произошедшее в дальнейшем раскручивание пружины.

— Ваши стихотворения написаны на японском. Как вам удалось освоить этот безумно сложный язык?

— Несколько лет назад, когда я был военным врачом и жил один, я решил изучать японский и стал брать уроки у студентов. Потом я познакомился с Хироко Хашимото — она замужем за выходцем из России. Сначала я брал у нее уроки, а в дальнейшем мы стали сотрудничать, она исправляла и редактировала мои тексты.

一日はもう終わろうとしている
でも私はまだ
詩を書き上げるのに間に合わなかった。

春夏秋冬はもう去ろうとしている
でも私はまだ
春と秋の美しさの歌を
歌い上げるのに間に合わなかった。

私達はもう別れようとしている。
でも私はまだ
あなたに愛の歌を
歌い上げるのに間に合わなかった。

時は駆け足で去っていくようにしている。
一生はもう過ぎ去っている。
どう私はこの世界に歌を
歌い上げるのに間に合うか?

Я познакомился также с японцем-гидом, который водит своих соотечественников по Израилю, — у нас с ним длительное, свободное и довольно близкое общение. Кроме того, должен признаться — я учу японский методом написания учебников. К примеру: я составил уникальный разговорник, в котором присутствуют живые иероглифы, и это, на мой взгляд, делает книгу настоящей. Сленг я решил в него не включать — главным образом по той причине, что мое отношение к Японии не подразумевает грубостей.

Сейчас российское издательство «Восток — Запад» заказало мне учебник, в котором речь пойдет о японских глаголах, представляющих большую проблему. Дело в том, что японский язык подразумевает высокую степень неопределенности, и, к примеру, в нем нет модальных глаголов. По-японски не скажешь — ты «должен», приходится прибегать к более сложной формуле, к примеру — «если ты не сделаешь вот так, то это невозможно». Чтобы сказать на японском ту или другую фразу, надо знать всю ее конструкцию, потому мне пришла в голову мысль систематизировать материал именно по этим конструкциям.

Что же касается книги стихов, то я сначала написал ее только на японском и разослал по японским издательствам. Одно из них, «Хекитенша», согласилось ее опубликовать, выставив свои требования — к примеру, мне предложили убрать слово «орел» из одного стихотворения (а орел у меня летал над костями). Я попросил объяснить, в чем дело, и мне объяснили: для японцев «орел» — это американец.

Вообще говоря, японец сразу понимает, что стихи написаны иностранцем, поскольку юмор

другой, иные ассоциации и иной взгляд на вещи, и, собственно, по этой причине они ему и интересны. Одна японская писательница посоветовала мне опубликовать стихи в Японии двойным текстом, — чтобы второй текст (допустим, русский) выглядел бы как рисунок, украшающий книгу.

Со своими стихами я обращался также в японское посольство — там мне объяснили, что они «не относятся к японской культуре». Ну а в израильском посольстве в Японии мне сказали, что это «обычные японские стихи» — то есть израильтянин, приехавший из России, пишет обычные японские стихи. Кроме того, посол заметил, что написанное мной «не имеет отношения к израильской культуре». Круг замкнулся, мои стихи оказались вне культуры.

Я написал также «японские» рассказы — на этот раз на русском. Когда мои друзья их переводили, они очень смеялись, поскольку, как оказалось, поведение моих японок отнюдь не японское. Вы наверняка знаете фильм Люка Бессона «Никита»; так вот, существует еще и гонконгский римейк, в котором все практически так же, как у французов, только в конце фильма героиня убивает любимого человека. Если бы она оставила его в живых, то никто бы в это просто не поверил; тут другая логика.

— **Насколько я знаю, в Иерусалиме обособилась японская секта «макойя»; вы общаетесь с ее участниками?**

— Помимо «макойя» сюда еще регулярно наведываются мунисты — последователи так называемой Объединенной церкви Муна. (В скобках отметим, что церковь, основанная корейцем Сан Мен Муном, ныне насчитывает около 3 млн последователей в мире. Ее основатель утверждал, что получил свои полномочия непосредственно от Иисуса Христа, явившегося ему в 1963 году; он также заменил Новый завет со-

あなたは
幸福な人であるために、
馬鹿らしい間違いと
不合理の失敗とを
忘れなければならない。

あなたは
幸福な人であるために、
愛する女の人が
あなたを捨てたことを
忘れなければならない。

幸福な人であるために、
一番良い友人が
あなたを裏切ったことを
忘れなければならない。

あなたは
幸福な人であるために、
親しい親戚が
いなくなったことを
忘れなければならない。

Илья Пушкин

Песни влюбленного медведя

イリヤ ブーシキン

恋する熊の歌

ставленным им самим «Завершенным заветом». — Е. С.)

Я занимался с одним студентом из числа «макойя», которых следовало бы назвать жидовствующими христианами. Вообще говоря, «макойя» очень закрыты, чужаков не терпят, женятся исключительно на своих; мои старания как-то с ними сблизиться ни к чему не привели — для этого следует вступить в секту.

Мунисты тоже труднодоступны. Однажды на улице Бен-Йегуда я увидел нескольких японок, раздававших буклеты, одна из них протянула мне буклет, и я ей сказал по-японски — спасибо, мне не нужно. Она удивилась, что я говорю по-японски, и мы разговорились; потом я приглашал этих дам к себе, всячески стараясь с ними подружиться, но, признаюсь, в этом не преуспел. Они, в свою очередь, звали меня на свои семинары и вечера дружбы с арабами — мунисты пытаются примирить евреев с палестинцами, хотя абсолютно не разбираются в том, что здесь происходит. Как я выяснил, сюда приезжают в основном те, кто принадлежит к низшим слоям общества, часто — обездоленные, нищие; собственно, именно на них всегда ориентировалось христианство.

— **Хотелось бы продолжить разговор насчет близких вам элементов японской культуры.**

— Сейчас я беру уроки каратэ у мастера, учившегося у японца. Не подумайте, что я себя японизирую, просто в конечном счете все сходится в одной точке — как бой на мечах и чайная церемония.

Для примера приведу потрясающий рассказ о том, как один мастер чайной церемонии поссорился с самураем, известным мастером меча. Самурай вызвал его на бой, а мастер чайных церемоний не мог ему отказать, поскольку в противном случае он бы опозорил своего сюзерена. Соответственно, он принял вызов, хотя и понимал, что будет убит. Когда

мастер бродил по городу перед схваткой, то встретил какого-то старика, который посоветовал ему готовиться к бою так, как если б он готовился к чайной церемонии. Мастер так и сделал — аккуратно снял верхнее кимоно, сложил его и стал невозмутимо готовиться к чайной церемонии; тогда самурай, пораженный его хладнокровием, в ужасе убежал.

私をもっと強く抱いてください。
あなたの抱擁が必要だ。
あなたの抱擁は
この世界で
唯一の安全な場所だ。

私をもっと強く抱いてください。
生涯ずっと
あなたの愛と暖かさで
一杯でありたい。

私をもっと強く抱いて下さい。
あなたの抱擁は
私の病をすべて治す、
私に命の力をくれる、
私を苦勞から守る、
私を苦惱から救う。
私をもっと強く抱いて下さい。

— **Вы называете себя религиозным человеком; было бы любопытно узнать, как хасидские ценности сочетаются с японскими ориентирами?**

— У хасидизма и дзэн-буддизма имеются точки соприкосновения, о чем писал еще Мартин Бубер. Я тут нашел одну небезынтересную книгу — как выяснилось, 10 лет назад в Еврейском университете в Иерусалиме писал докторскую некий Тишима, японец, в дальнейшем переехавший в Нью-Йорк; он как раз занимался сравнением дзэн-буддизма и хасидизма. Тишима был весьма начитанным человеком, хотя в хасидизме, на мой взгляд, не понял каких-то чрезвычайно важных вещей — тем не менее его книга очень любопытна. В том числе он утверждал, что обстоятельства, при которых возникли хасидизм и дзэн-буддизм,

схожи — речь идет, конечно, о грубой схеме.

В X-XI веках в Японии буддисты читали по-китайски, имелось огромное количество манускриптов, написанных на индийском и санскрите, и, вообще говоря, чтобы стать буддистом, следовало их изучить. Понятно, что бедным людям эти знания были совершенно недоступны, и дзэн подразумевал некоторое упрощение по сравнению с классическим буддизмом. В еврейских местечках Европы в XVII-XVIII веках сложилась аналогичная ситуация, многие не могли учиться в йешивах, поскольку вынуждены были работать, и при этом желательно было еще и служить Всевышнему. И вот в двух этих случаях возникло новое учение, утверждавшее, что знания, конечно, важны и прекрасны, но они не являются чем-то основным. Главное — это стремление к Богу, чистое сердце, эмоциональный порыв.

И еще один важный момент, о котором я хотел бы упомянуть: дзэн-буддизм и хасидизм придают огромное значение пустоте. Насчет дзэнской пустоты объяснений давать не буду, но вот о хасидской пустоте мне бы хотелось сказать пару слов. В хасидизме существует понятие устранения («битуль») — в шестой главе Тании, книги Алтер Ребе, считающейся основной книгой ХАБАДа, обсуждается вопрос о том, что есть «кдуша», святость, и выясняется, что эта святость подразумевает полное самоустранение перед Всевышним. Проявления «самости» не дают возможности прийти святости, и, собственно, идеал хасидизма подразумевает такое выполнение заповедей, при котором человек полностью отдается воле Всевышнего. Для всего этого нужна пустота; здесь происходит смыкание с дзэном в очень существенной точке.

Приведу вам еще один пример этого смыкания. Мне как-то подарили сборник хасидских рассказов на иврите, и, вы знаете, в их числе оказалась одна известная дзэнская история. Речь идет о том, как два монаха переправляются через ручей, и туда же приходит девушка, которая никак не может через него перейти, и тогда один из монахов переносит ее на руках. Потом они идут домой, ложатся спать, и второй монах говорит товарищу: «Как ты мог дотронуться до девушки, ты ведь осквернился»; а тот отвечает: «Я-то девушку уже перенес, а ты еще несешь». В хасидском рассказе, естественно, вместо монахов действуют ученики йешивы.

Бубер, кстати, тоже обращал внимание на сходство хасидских рассказов с дзэнскими историями.

Вообще говоря, мне бы хотелось исследовать некоторые вопросы, находящиеся на стыке культур — с одной стороны Япония, а с другой — западная культура, или Израиль. Этот поиск или исследование кажутся мне чрезвычайно интересными и прогрессивными.